

Панславистская доктрина России и русские славянофилы*

Александр Задохин

Панславистская идея в среде славянских народов возникла и развивалась в рамках тех общих процессов, которые происходили в Европе начиная с первой четверти XIX столетия, когда идеи народного суверенитета и самоопределения народов распространялись от империи к империи, поднимая этнонациональную волну, которая в конечном итоге и разрушила многонациональные государства.

Славянские народы, лишённые самостоятельных государств и разобщённые под властью Турции и Австро-Венгрии, не утратили своей этнической памяти. Чем сильнее становилось Российское государство, тем отчётливее выражались стремления славян получить её поддержку в своей борьбе за освобождение. К правительству России с просьбой принять их под своё покровительство обращались как представители славянских церквей, так и светские элиты, что не могло не вызвать со стороны России ответную положительную реакцию.

Борьба за независимость в Отечественной войне 1812 г. и обеспечение безопасности на южных рубежах составляли основное содержание российской внешней политики.

В произведениях, посвящённых Отечественной войне и заграничным походам русской армии, говорится, что русские боролись не только за свою безопасность, но и освобождали другие народы, всю Европу [13], т.е. утверждение русского национального «Я» происходит в духе

ЗАДОХИН Александр Григорьевич – доктор политических наук, Почетный профессор Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* aleksander_1945@mail.ru

Ключевые слова: панславизм, славянофилы, славянские комитеты, И.С.Аксаков.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-04-000-33/13.

исполнения некой великой миссии: «спасение чужих держав», как говорили тогда, от узурпатора Наполеона [13].

Естественным для русского сознания было внимание к славянским народам и солидарность с ними. Тем более что поводов для этого было достаточно.

В тот период само российское национальное сознание делает качественный шаг вперёд. Масштабно осмысливается международная жизнь в целом и одновременно собственный исторический опыт, религиозные традиции и особенности бытия, наконец, географическое положение. Точнее, речь идёт о переосмыслении традиции. Известный русский историк В.О.Ключевский отмечал, что «национальное» или «национальный принцип» во внешней политике России появляется именно в начале XIX в. [10].

Панславистская доктрина органически вытекала из концепции «византийского наследства». Но теперь национальное сознание осмысливает эту христианскую идеологию уже в национальных категориях. Как считают исследователи, религиозная идеология «Москва – Третий Рим» в XIX в. окончательно становится идеологией внешней политики России и одновременно фактором национальной интеграции с консервативно-охранительным содержанием [15] и, что важно отметить, антитезой западному образу жизни, его экономизму и утилитарному рационализму.

Панславистская доктрина и русское национальное сознание

Свидетель возникновения панславистской доктрины в России А.И.Герцен считал, что славянофильские и панславистские идеи во внешней политике России происходят больше под влиянием извне, когда возросло значение «национального принципа» в европейских международных отношениях в связи с наполеоновскими войнами. Это коснулось и народов славянской группы, входивших в состав Османской и Австро-Венгерской империй [7]. Как отмечал А.И.Герцен, «чешский панславизм подзадорил славянофильские сочувствия в России» [7]. Безусловно, что внешнее воздействие оказало своё влияние на возникновение панславизма, но его нельзя рассматривать как нечто чуждое и противное национальному сознанию.

Теперь в основу русского национального сознания были положены

не только монархические и религиозные начала, но и особенности местобытия России.

В.О.Ключевский даёт следующую характеристику: «Исторически Россия, конечно не Азия, но географически она не совсем Европа. Эта переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала её с Европой; но природа наложила на неё особенности и влияние, которые всегда влекли её к Азии или в неё влекли Азию» [11].

Центральное место в идеологии панславизма отводилось России. Причём не только как страны, вокруг которой могут объединиться все славянские и православные народы, но и как государства-освободителя. Сторонники панславистской доктрины выступают за создание политического союза и даже объединённого государства всех славян и

православных. В своём письме к Е.Э.Трубецкой поэт и дипломат Ф.И.Тютчев настаивает на «историческом праве» России объединяться с тяготеющими к ней славянскими народами [20].

Тютчев в своём призыве к исполнению миссии был не одинок. В марте 1854 г. Хомяков, который был ярким представителем славянофильской мировоззренческой школы [9, с. 37–38, 42], в стихотворении «России» пишет:

*И встань потом верна призванью,
И бросься в пыль кровавых сечь!
Борись за братьев крепкой дланью,
Держи стяг божий крепкой дланью,
Рази мечом – то божий меч!*

Воспитание и жизнь, творчество и идеи А.С.Хомякова дают основание и сегодня видеть в нём типичного представителя российской элиты с её характерной национальной ментальностью. Этот русский дворянин видел в православии основы русского характера и верил в особое предназначение византизма для возрождения России. А.С.Хомяков «объявлял византизм великим и ещё не вполне оценённым явлением в человечестве» в противовес сложившимся на Западе взглядам, которые «кичливо» отрицали ценность византийской цивилизации [2, с. 214].

Столь же экспрессивен Хомяков в «Письме к приятелю-иностранцу», где он пишет, что Россия начинает «священную войну», являясь носительницей новых великих начал, призванных обновить мир.

«Спасибо западным державам! – восклицает Хомяков. – Начав войну, они, сами не зная того, содействуют триумфу этих великих начал».

*Развивайтесь же, знамёна!
Боевые трубы, звучите!
Народы, ломитесь в бой!
Бог движет человечество! [18]*

Национальная идея (славистского и русистского содержания) была популярна в самых различных элитных группах общества, вне зависимости, являлись ли они последовательными славянофилами или нет. Устоять перед привлекательностью этой идеи было практически невозможно. Либерал А.И.Герцен из своего заграничного далека отмечал это явление в общественной жизни России [18], но при этом одновременно и высказывал свои симпатии к панславистской доктрине [2, с. 261]. Такое единомыслие можно объяснить лишь так: когда «речь заходит о национальном, в сознании возникают какие-то глубокие архетипические представления. В этом смысле... славянофилы и западники не альтернатива, они по существу дополняют друг друга» [9, с. 43–44]. Славянофилы и западники как две интеллектуальные элитные группы, представляющие разные ориентации в национальном сознании России, отдавали себе отчёт, что их дискуссии не носят некий абстрактный характер. Они понимали, что их диалог в конечном итоге вёл к определению «догматов для нравственного и для верований общества» и к «созданию политической программы для будущего развития государства» [3].

Насколько серьёзно национально-славянская идея повлияла на внешнюю политику, говорит П.Я.Чаадаев в «Письме неизвестного к неизвестной», написанном сразу после начала Крымской войны. Он подчёрки-

вал, что причиной войны была «национальная реакция», которая дошла в стране до монomanии и повлияла на внешнюю политику правительства [21].

Очевидно, что официальной власти трудно было не считаться с общественным мнением и популярностью панславизма. Начало Крымской войны связывают со спором о «палестинских святынях». Последнее можно называть лишь предлогом для объявления войны [8], а истинные причины её видеть в более реальном международном противоречии европейских держав и России, так как факт значимости традиционных ценностей, связь основанной на них идеологии с реальным внешнеполитическим решением очевидна. Для российского национального сознания Палестина и Константинополь являлись ориентирами знакового порядка [19]. Необходимо обратить внимание на следующий факт: сама война началась в 1854 г., в годовщину падения Константинополя. Можно сказать – совпадение. «Культурное, просветительское начало явно превалировало при формировании и развитии фактора Палестины в дипломатии России конца XVIII – начала XX в., невзирая на чрезвычайно сложные международные обстоятельства». И это разительно отлича-

лось от политики западных государств, ставивших для своей внешней политики вполне прагматические цели [12].

В июне 1875 г. в Герцеговине вспыхнуло восстание, спровоцированное массовой резнёй турками христиан, которое было воспринято балканскими народами как сигнал к началу борьбы за своё полное освобождение. Стремительно поднималась волна национально-освободительных движений по всему Балканскому полуострову.

Восстания на Балканах явились для всех без исключения европейских государств полной неожиданностью. Балканский кризис грозил перерасти в общеевропейский. Великие державы были явно обеспокоены возможными международными последствиями начавшихся волнений. Сообщения о турецких зверствах в Герцеговине и Болгарии, заполнявшие страницы европейской прессы, волновали больше общественность, чем политиков.

Однако надежды руководителей апрельского восстания (1876 г.) в Болгарии на помощь официального Петербурга, общественность, представленная славянскими комитетами, активно побуждала русское правительство к решительным действиям против Турции.

Славянские комитеты и освобождение славянских народов Балкан

На роли славянских комитетов в России следует остановиться особо. Они возникли как общественные организации после Крымской войны. Идея их образования принадлежит группе болгарских эмигрантов [6], они сразу получили поддер-

жку видных российских общественных деятелей славянофильского толка [14]. Благодаря посредничеству Министерства иностранных дел и канцлера А.М.Горчакова в начале 1858 г. было получено разрешение на создание Московского славянского

комитета. Российское правительство благожелательно отнеслось к их возникновению, увидев в них опору для своей балканской политики.

Деятельность славянских комитетов с самого начала не ограничивалась только культурными связями со славянскими народами Османской и Австро-Венгерской империй. Представители славянских комитетов Москвы, Петербурга, Киева и Одессы обращались непосредственно в правительство и Министерство иностранных дел с просьбой предпринять энергичные меры по оказанию помощи южным славянам. В то же время активная пропаганда объединения всех славян под государственным началом России вызывала тревогу у официального Петербурга из-за опасений возникновения дипломатического или политического конфликтов с той или иной европейской державой. Поэтому власти преследовали их активистов и закрывали газеты, издаваемые славянскими комитетами.

Общественность и политические круги Сербии восприняли восстание в Герцеговине как начало долгожданной «национальной революции», в результате которой Босния и Герцеговина будут освобождены от турецкого владычества и объединятся с Сербией. 18 июня 1876 г. Сербия объявила войну Турции. В союзе с Сербией против турок выступила Черногория.

Русский Красный Крест отправил в Черногорию несколько санитарных отрядов и развернул в стране полевые лазареты.

Главным врачом госпиталя в Цетине стал известный русский медик, профессор Н.В.Склифосовский. Русские врачи спасли бо-

лее 40 тыс. раненых черногорцев, герцеговинцев, боснийцев и албанцев. Н.В.Склифосовский и другие русские врачи были награждены высшими орденами Черногории.

Ещё до официального начала военных действий различные представители российского общества оказались в рядах тех, кто выступил против османской деспотии.

В Сербию в общей сложности прибыло около 4 тыс. русских добровольцев во главе с генералом М.Г.Черняевым, который занял пост командующего сербской армией. Русский Красный Крест прислал в Сербию врачей и фельдшеров, Тульский оружейный завод – целую оружейную мастерскую со штатом рабочих и мастеров.

Русские добровольцы, в том числе художник-баталист Верещагин и поэт-славянофил Хомяков, отправлялись на помощь сербам и болгарам. Русские добровольцы сражались и в рядах герцеговинских и болгарских повстанцев, что лишний раз демонстрировало стремление личности реализовать себя вне своего общества из-за невозможности это сделать в самой России.

Среди добровольцев было более двухсот русских революционеров-народников: известный писатель С.И.Степняк-Кравчинский, Н.К.Судзиловский, А.И.Лепешинский, Д.Клеменц, участник боёв на баррикадах Парижской коммуны – М.П.Сажин и др.

Сражаясь с турками в рядах сербской армии и герцеговинских повстанцев, погибли такие русские добровольцы-революционеры, как Д.Гольдштейн, Е.Бальзам, А. Ерошенко и др.

12 апреля 1877 г. Россия объявила войну Турции. Акт её объявления был оформлен особо – Высочайшим манифестом императора Александра II.

Манифест написан высоким слогом и проникнут пафосом борьбы за освобождение христианских народов. В нём, в частности, от имени всей России Александр II говорил, что «мы всегда принимали участие в судьбах угнетённого христианского населения Турции.

Желание улучшить и обеспечить положение его разделял с нами весь русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы для обеспечения участи Христиан Балканского полуострова».

Начался беспремерный по трудности и героизму поход русской армии за Дунай во главе с генералом М.Д.Скобелевым.

Он продолжался 314 дней и ночей под знаменитым, шитым волжскими мастерицами «Самарским знаменем». В боях за освобождение Болгарии пало более 50 тыс. русских солдат.

Вступление русских войск на Балканы вызвало новую волну национально-освободительной борьбы порабощённых Турцией народов. Румыния провозгласила свою полную независимость от Турции, и румынская армия приняла участие в освобождении Болгарии. По всей Болгарии формировались отряды народного ополчения, присоединявшиеся к русским войскам. Черногорцы в упорном девятидневном бою («девять кровавых дней» с 2 по 11 июня 1877 г.) устояли перед султанской армией и перешли в контрнаступление. В Македонии, Боснии и Герцеговине усилилось повстанческое движение.

Наиболее активно выражала мнение различных общественных кругов российская печать.

Малоизвестная сегодня «Газета Гатцука», выходящая в Москве и Петербурге, писала: «Взоры не только всей России, но и целого мира обращены в настоящее время на русского императора. Никогда не было большей общности между народом и его царём, как в минуты этой борьбы, знамя которой поднято во имя самых священнейших принципов человечества» [5].

Одним из представителей славянофильских кругов российского общества XIX в. являлся Иван Сергеевич Аксаков из древнего русского рода Аксаковых [1]. И.С.Аксакова следует причислить к культурному гуманистическому направлению панславизма в отличие от сторонников геополитического объединения славянских народов. Как отмечают исследователи, представители культурного панславизма не разрабатывали каких-то программ политического объединения славянских стран. Они считали, что для начала необходимо поднять уровень гражданской культуры в собственном государстве, повысить благосостояние и просвещение русского народа. Только тогда появится возможность добровольного объединения и славяне по собственному желанию будут просить союза с Россией. Насильственная интеграция, с точки зрения представителей культурного панславизма, была абсолютно неприемлемой. При этом отмечалось, что у каждого славянского народа имеются свои культурные и политические особенности [16].

В то же время современники свидетельствовали, что И.С.Аксаковым «в ходе войны за освобождение славян... отправлены на славянские земли большие суммы, что суммы эти были сотни тысяч, пожертвованных купечеством; и было отправлено им оружия в славянские земли» [4, с. 40].

Деятельность И.С.Аксакова можно отнести ко времени некоего ослабления интереса общества к панславизму, вызванного противоречивыми процессами становления славянской государственности на Балканах после Берлинского конгресса 1878 г.

Прежде всего имело место определённое разочарование результатами конгресса. Аксаков в своей газете «Русь» с горечью отмечает, что после Берлинского конгресса «почти все земли сербских племён оказались под влиянием Австро-Венгрии. Под сильным давлением и Черногория, и её князь» [17, № 8, с. 10–11].

Современники свидетельствовали, что Аксаков был замечательным оратором. «Но характер самого Аксакова, как публициста, делал его не то чтобы опасным в глазах правительства, а беспокойным» для последнего [4, с. 33].

Так, 22 июня 1878 г. И.С.Аксаков произнёс на заседании ранее им созданного Московского славянского

комитета речь с критикой правительства и российской дипломатии. «Ты ли это, – спрашивал он, – Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побеждённую?» Как вспоминали современники, речь «набатным колоколом ударила», возбуждая общественные круги в обеих столицах России. За что Аксаков и был выслан из Москвы и провёл несколько месяцев в селе Варварино Юрьевского уезда Владимирской губернии. Славянский комитет в Москве после этого был закрыт. Впоследствии с началом издания им газеты «Русь» (1880–1885 гг.) он вновь становится трибуном, когда каждая его статья «стала событием» в общественной жизни России [4, с. 40].

Аксаков о политике молодых балканских государств

Начало 80-х годов XIX в. характеризуется некоторым ослаблением панславистского движения, вызванного определённым разочарованием из-за того, что освобождённые славянские государства Болгария и Сербия повели себя не так, как от них ожидали в России. И это в то время, с горечью отмечал Аксаков, когда «болгарское государство порождено и крещено русской кровью» [17, № 20, с. 1–4].

Стремление славянских государств взять за образец Европу, по мнению И.С.Аксакова, является ошибкой, ибо государственный строй «не может быть одинаков у Славян и Западной Европы». Соответственно, он критикует либеральные и прозападные настроения в кругах болгарской и сербской интеллигенции. Интересны рассуждения Аксакова на страницах «Руси» о том, как писали в Петербурге проект конституции для Болгарии,

когда «взяли несколько конституций: румынскую, бельгийскую и других стран» и отправили на обсуждение болгарской интеллигенции, которая ещё более по западному образцу «обрадикалила» русский проект.

Позиция политических кругов освобождённых стран ещё более удивляла и разочаровывала Аксакова из-за того, что в Западной Европе наблюдался рост русофобской истерии по поводу речи М.Д.Скобелева в Париже (февраль 1882 г.), хотя в этой речи говорилось, что «Россия ничего не желает для самой себя. Мы народ идеалистов» [17, № 8].

Аксаков в редакционной статье отвергает обвинения против России в экспансии и угрозе европейскому миру и обращает внимание, что у неё были возможности продемонстрировать Европе свою силу в период заграничных походов 1812–1814 гг. [17, № 9, с. 1–4]. Но она сохранила верность

договорённостям Священного союза. Более того, выиграв в 1878 г. войну с Турцией и заключив с ней как победитель Сан-Стефанский мирный договор, Россия опять же как участник Священного союза «поделилась» плодами своей победы с европейскими державами – участниками Берлинского конгресса 1878 г. Но европейские участники Священного союза не выполняют его договоренностей, как и решений Берлинского конгресса. Так, Аксаков обращает внимание на тот факт, что Австро-Венгрия намеривается присоединить к империи Боснию и Герцеговину. Хотя Берлинский конгресс 1878 г. всего лишь дал Вене право временно занять БиГ для того, чтобы только погасить волнения в регионе [17, № 12, с. 8–9].

И.С.Аксакова также беспокоят не только действия властей Австро-Венгрии по притеснению славян, но и

деятельность Ватикана по «окатоличиванию» славян в Австро-Венгерской империи.

В частности, обращается внимание, что представителей «славянских католиков» принял сам папа Лев XIII. Более того, Римско-католическая церковь в Австро-Венгрии оказывает давление на православные приходы. Причём Римско-католическая и Греко-католическая церкви для привлечения в свои храмы славян переходят на славянскую литургию. И в этой связи Аксаков ставит вопрос о проблеме единства славянских народов. «Славянский мир разбит, разорван надвое религиозным несогласием и враждой! До сих пор панславизм имел характер существенно православный. Теперь против него возрастает иной “панславизм – с характером римско-католическим!”» [17, № 33, с. 10]

Русский «консервативный национализм»

Анализируя панславизм, или русский национализм XIX и начала XX в., следует не впадать в некую крайность – отождествлять «консервативный национализм» с реакцией. Прежде всего это относится к литературным деятелям эпохи.

Вот что пишет один из американских исследователей русского консерватизма Эдвард Таден (1922–2008 гг.) о творчестве всех тех русских писателей, которых можно отнести к кругу славянофилов или близких к нему: их необходимо рассматривать «с точки зрения их собственных идеалов и их интеллектуального развития» [22]. Можно согласиться с тем, что «консервативный национализм в России девятнадцатого века развился из попыток русской консервативной интеллиген-

ции создать национальные идеалы, которые послужили бы делу сплочения русского государства, народных масс и образованной верхушки общества в гармоническое и органическое целое» [22].

Проводя некоторые параллели с постсоветской Россией, где идеи панславизма и русского национализма переживают своё очередное возрождение, можно процитировать ещё раз Э.Тадена, который утверждает, что «нет никаких оснований отрицать возможность использовать национализм в интересах консервативного правительства, чтобы внушить подданным отношение лояльности к существующему государству и эмоциональную привязанность к традиционным институтам страны» [22].

Примечания

1. Аксаков И.С. Всеславянство. М., 1910.
2. Анненков П.В. Замечательное десятилетие. М., 1960.
3. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 215.
4. Жизнь и деятельность И.С.Аксакова // Иван Аксаков в воспоминаниях современников. М., 2014. С. 40, 33.
5. Газета А.Гатцука. 15.12.1877. Прибавление к № 15.
6. Генов Ц. Славянските комитети в Русия и българското освободително дело (1858–1878). София, 1986. С. 8.
7. Герцен А.И. Собр. соч. в 8 т. М., 1975. Т. 5. С. 214.
8. История дипломатии. М., 1959. Т. I. С. 642–645.
9. Цит. по: Касьянова К. О русском национальном характере.
10. Ключевский В.О. Собр. соч. в 9 т. М., 1989. Т. V. С. 181–184.
11. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1987. Т. 1. С. 65.
12. Колобов О.А. Фактор Палестины во внешней политике России и США в конце XVIII – начале XX вв. (Сопоставительный анализ) // Палестинский сборник. 1992. 31-й (94-й) вып. С. 19–20.
13. Милонов М.В. К патриотам // Бородинское поле. 1812 год в русской поэзии. М., 1989. С. 150.
14. Никитин С.А. Славянские комитеты в России. М., 1968. С. 12.
15. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Идеи мессианства в русской философии истории // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 71.
16. Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития. М., 2007.
17. Русь. 1882. № 20. С. 1–4; № 8; № 9. С. 1–4; № 12. С. 8–9; 1881. № 33. С. 10.
18. Цит. по: Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. М.: ИНИОН, 1991. С. 142.
19. Смилянская И.В. Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток-Oriens. 1995. № 5. С. 68–81.
20. Тютчев Ф.И. Соч. в 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 298.
21. Чаадаев П.Я. Соч. М., 1989. С. 272.
22. Thaden Ed.C. Conservative Nationalism in Nineteenth Century Russia. Seattle, University of Washington Press. 1964. P. XIII, P. 3.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
BSER VER